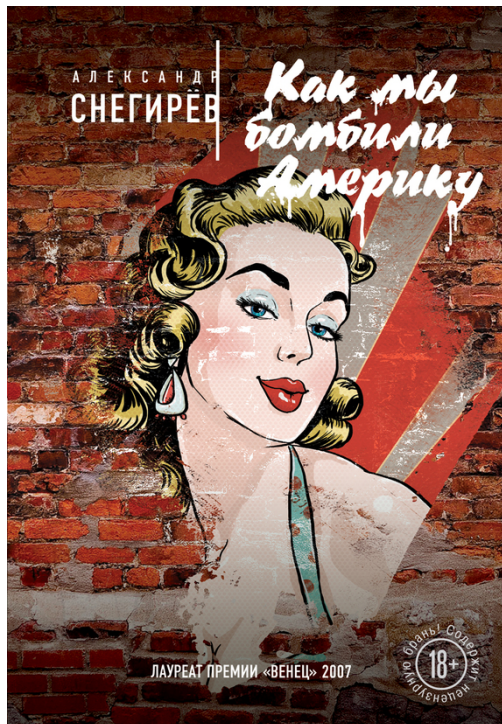

Александр Снегирёв
Как мы бомбили Америку
Серия «Проза о любви и боли»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18343275
Как мы бомбили Америку / Александр Снегирёв.: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-83516-4

Аннотация

«Двое юных раздолбаев уезжают в Америку на заработки по международной студенческой программе. Это очень обаятельное сочинение... нормальный юношеский дневник. Но радость, которая так и сияет на каждой его странице, обеспечивается, конечно, не только авторской молодостью и избытком гормонов: герою просто очень смешно в Америке. Ситуации, в которые они с приятелем попадают, почти сплошь травматичны, люди, которые им встречаются, почти поголовно несчастны, у всех какие-нибудь обсессии и фрустрации, но все тонет в атмосфере добродушия, совершенно невозможной в нынешней России. Все только и делают, что прощают друг другу странности и глупости. Милый повседневный американский абсурд основан на избытке взаимного уважения и уступчивости – водитель ночного автобуса хохмит в микрофон, хозяин кафе беспрерывно трунит над собой, драки гасятся в зародыше, обиды рассасываются. Такова ли Америка в самом деле – неважно (для самой себя уж конечно не такова). Но для человека, прибывшего сюда из российской атмосферы, она в самом деле праздник – не финансовый и не товарный, как было раньше, а эмоциональный».

Дмитрий Быков

Содержание

Часть 1	4
Нью-Йорк	4
Первое утро в Нью-Йорке	6
Запах метро	7
Второй хостел	8
Немецкие близняшки и аппетитная китайка	10
Свои	12
Русский морс	15
Пляж	16
Музей	18
Пиво и мандала	21
Мы пытаемся торговать ресурсами собственных тел	23
Только вместе	25
Последнее утро Нью-Йорка	26
Работа найдена	29
«Близнецы»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Снегирёв

Как мы бомбили Америку

Ольге, Юхану и той Америке, которую я люблю.

Часть 1

Нью-Йорк

Мы долетели! Ура! Мы долетели... Ранним вечером, когда все становится золотистым, мы, уставшие и довольные, шли по тротуару верхнего Бродвея, и нам казалось, что впереди только счастье. Таможенники не попросили нас выбросить недоеденные московские бутерброды и не произнесли знаменитую фразу «вэлком то Юнайтет Стэйтс». Листая мой паспорт, парень с проколотой бровью уточнил, кем я собираюсь работать. Я принялся было что-то бубнить на ломаном английском, но парень отмахнулся и поставил штамп. Проникновение в великую страну осуществилось не по законам, усвоенным из кино. Впрочем, это не отразилось на всем остальном. Остальное напоминало кинофильм.

По улицам разгуливали здоровенные негры в красных бейсболках и майках на вырост. Уж не знаю, выросли они или нет, вряд ли. Перекормленные цветные подростки, выжившие в школьных перестрелках, выгуливали своих деток. За стеклами кафе восседали бабушки и прабабушки этих негров, в розовых шляпах, и чинно пили кофе, недоброжелательно поглядывая на белых ровесниц, случайно забредших за соседний столик. Повсюду сновали черные; черные желтоватые, черные шоколадные, иссиня-черные и черные-пречерные. В общем, на любой вкус.

Навстречу неслись велосипедисты всех рас и цветов. Тихо скользили роскошные автомобили. То и дело с гнусавыми воплями сирены проезжала пожарная машина, мигающая разноцветными огнями, словно елочная гирлянда. Пожаров при этом нигде видно не было. Повсюду виляли аппетитные дамские попки, то прикрытые легчайшими тканями, то обтянутые напористыми джинсами. Швейцары в фуражках мыли тротуары возле парадных. За витринами сверкающих магазинов мелькали красавицы продавщицы, так и искушающие вас отдать им все до последнего цента. В первые дни мы старались поспевать в ногу с этим гигантским городом, а заодно жадно пожирали глазами все вокруг.

Мы – это я и Юкку. По правилам имя «Юкку» не склоняется, но все русские, и я тоже, склоняем его, как хотим. Я зову друга то Юкка, то Юк. Нам обоим стукнуло двадцать один, и мы впервые оказались в Соединенных Штатах. Мы были студентами, и каждый имел свои виды на Америку. Хозяйственный Юкка планировал заработать на новые зубы для своей матери-эстонки, я же приехал без конкретной финансовой цели. Деньги мне, конечно, не помешали бы, но на что их тратить, я тогда не знал.

Юкка – мускулистый блондин. Девчонкам всегда нравился его пресс, чему я тайно завидовал. Он никогда не качался, а пресс имел, как в журналах. Я же выжимал из себя все соки изнурительными упражнениями, но такого пресса добиться не мог. Юкка обладал манерой сосредоточенно курить, как человек, имеющий четкий жизненный план. Я не курил и планов никаких не имел не то что на жизнь, но даже на следующий день.

Я – коротко стриженный шатен, выше среднего роста, с походкой и видом бездельника, несмотря на то, что отец полковник в отставке. Одевались мы так: я в оранжевый комбинезон на голое тело, Юкка – в черные ботинки и шорты.

Меня застали врасплох две вещи, первая относилась к языку. Местные бомжи и собаки понимают английский. В России я не видел ни одного бездомного забулдыги, свободно болтающего на языке Фитцджеральда и Кеннеди. О наших собаках и говорить не приходится. В Нью-Йорке же бездомные юродивые плели что-то по-английски, а псы реагировали на команды, которых я не понимал. Такой вот это англоязычный город, Нью-Йорк.

Вторым пунктом моего удивления стал повсеместный прием и выдача бумажных долларов абсолютно непотребного вида. Доллары мятые, грязные и побывали бог знает в каких руках. По привычке я отпирался, когда, расплачиваясь хрустящими московскими сотнями, на сдачу получал комки измятых подтиралок.

— У меня же их нигде не примут, ребята! — Кассирши смотрели на меня большими глазами, явно не понимая смысла этих слов. Полагаю, меня принимали за обкурившегося идиота. Но я не виноват. У нас ведь как: если зеленая бумажка не только что с печатного станка, дамочки в обменниках начинают презрительно фыркать и бурчать про комиссионные. Или, что еще хуже, отправляют в какое-нибудь захолустное отделение Сбербанка, где вас обложат штрафами и сделают большое одолжение, обменяв на рубли «эту рвань».

Постепенно я привык. Англоговорящие бомжары и псы перестали шокировать, а баксы я стал лихо распахивать по карманам, не заботясь об их, баксовом, лоске.

Первое утро в Нью-Йорке

Нашу поездку устроило агентство «Хочешь разбогатеть – спроси меня как!». Они занимались отправкой студентов на летние заработки в Штаты. В первую ночь нас разместили в чистеньком хостеле возле Колумбийского университета. Я проснулся часа в два и уже не мог заснуть, давала о себе знать разница во времени. Юкка сладко дрых, а я изнывал от скуки, перебирая в памяти прошлый день. В Шереметьево мы перепутали залы ожидания и чуть не опоздали на самолет. Случилось следующее – мы сидели себе и дивились, как мало народу летит в Нью-Йорк. Напротив нас устроилась парочка миленьких девочек, с которыми мы очень скоро начали переглядываться. Путешествие уже начало казаться романтическим приключением, как одна девочка, томно вздохнув, спросила другую:

– Интересно, какая сейчас погода в Барселоне?

– Жара... – страстно произнесла другая и стрельнула в меня глазками. Я не ответил. А с Юккой мы переглянулись.

Не сговариваясь, мы подхватили сумки и ринулись на поиски своего самолета, посадка в который к тому моменту заканчивалась. Покинутые красавицы с сожалением смотрели нам вслед, а у нас не было времени подмигнуть им на прощанье.

В самолете мы безо всякой меры нагрузились ледяным шардоне и слегка простыли. Так что, лежа в нью-йоркской кровати, я тихонько покашливал. От скуки меня спасло раннее летнее утро. За окном стало сереть, а потом свет начал разбавлять темноту все сильнее, и вскоре его концентрация достигла ста процентов. Я уселся на подоконник. Это было мое первое утро в городе великих возможностей. Как я понял потом, для меня это было заодно и последнее спокойное, мирное утро в этой стране. Я смотрел на птичек, клюющих тротуар, на голого худого негра, кутающегося в черный полиэтиленовый пакет прямо под окном. Негр был стар и явно мучился от похмелья. Утренний холодок не давал ему покоя: мусорный пакет – это вам не мягкий кашемир, в пакет особенно не укутаешься. Едва старик принял удобное положение и уснул, как рядом затормозила полицейская машина. До меня отчетливо доносились переговоры их рации. Полисмены стали изучать негра, решив, что он окочурился. Тут негр дрыгнул ногой сквозь сон, и копы, успокоившись, укатили.

Запах метро

Как было оговорено заранее, нас покормили завтраком. В роскошном университетском зале с темными панелями и старой резьбой организовали «шведский стол». Синтезированное из порошка месиво, называемое омлетом, и пережаренные ломтики бекона, ободранного с боков генноизмененных свиней, подавали в качестве основного блюда. К этому прилагались кексы с искусственными красителями, йогурты с ароматизаторами и яблоки, пахнущие резиновой прокладкой на дверце холодильника. Прекрасная идея «шведского стола» была попорана американцами, как пакт Молотова – Риббентропа Гитлером. Повсюду царила лишь иллюзия выбора. Я не гурман, я привык ко всему благодаря моей вечно опаздывающей на работу мамочке, которая кормила меня чем угодно. Но только не химикатами.

После завтрака боевая тетка с оптимизмом недавно брошенной мужем одинокой сорокавосемилетней женщины обрисовала перед нами радужные перспективы пребывания в Штатах. Огромный зал, заполненный жаждущими приключений молодцами из Европы, гудел и мало интересовался ее словами. Тетка скоро завершила свою речь, нам раздали буклеты с жизненно важными телефонами и отпустили на все четыре стороны. Я заглянул в буклет: федеральная справочная «Скорой помощи», справочная поиска людей, справочная ночлежек...

Мы съехали из хостела и отправились в Бруклин, на более дешевый ночлег, заранее найденный Юккой по Интернету. Чтобы добраться туда, мы впервые спустились в метро. Подземка удивляла больше, чем безразличие таможенников. Во-первых, это был ледник, во-вторых, зловонный. Сразу вспомнилась школьная экскурсия в колбасный цех. Там был ангар-холодильник, где с потолка свисали сотни свиных туш. Нет, там не воняло тухлятиной или чем-то подобным. Там просто пахло мясными деликатесами. Концентрированный запах вкуснятины. Тогда я понял, как пахнет смерть. В нью-йоркском метро пахло смертью, а еще отсыревшими бычками, блевотиной и поносом. У меня так пахло в квартире наутро после празднования восемнадцатилетия. Башка трещала, я сидел в сортире и силился понять, куда же мне деть горы пустых бутылок и окурков, плавающих в стаканах.

Восемнадцатилетие бывает раз в жизни, а в колбасные цеха регулярно ходить не надо. Метро же вещь столь обыденная, что без нее никуда, даже если там холод и смрад. Пришлось взять себя в руки, выложить по одному зеленому с полтиной и трястись в стальном вагоне до нужной станции, зажав носы. Так как метро наполнено неграми, а мы морщились, то некоторые из них, озабоченные проблемами расизма, поглядывали с неодобрением. Наша дрожь, вызванная холодом, усилилась, мы начали дрожать еще и от страха. За мнимый расизм нас не побили. К тому моменту, когда пот на наших телах начал превращаться в лед, а запах вплотную подвел к обмороку, поезд остановился на нужной станции. Мы выпали из вагона.

От наших ног расползлся Вавилон. От ног потому, что мы стояли у перил эстакады, по которой грохотали стальные змеи поездов. Эстакаду соорудили в досварочную эпоху – она состояла из железных конструкций, скрепленных заклепками. Внизу среди трех-четырехэтажных зданий копошился разношерстный люд. На горизонте в солнечном мареве плавились небоскребы Манхэттена. Мы спустились по дощатым ступеням.

За счет зеленого цвета и множества арок эстакада походила на восточные дворцы из сказок. Каждые три минуты ее сотрясал поезд. Мы двинулись вдоль, мимо выставленных на тротуар старых холодильников, стиральных машин и продавленных диванов.

Второй хостел

Второе место нашего обитания находилось в двух шагах от станции метро. Окна комнаты выходили на метрорельсы. Когда проезжал поезд, не слышно было собственного голоса. Кроме нас в комнате проживали еще пятеро парней. Спали на двухъярусных кроватях. Мне досталась верхняя полка. В районе головы в стене зияла черная дыра, в которую мог бы уползти небольшой ребенок.

– Прикинь, ночью оттуда вылезет крыса и отъест тебе башку! – пошутил Юкка.

Мне было не до шуток. Кто мог гарантировать, что из этой дыры и вправду не появится крыса и не сожрет меня, пока я буду спать? Эта дыра пугала меня, но неприятности приходят не оттуда, откуда ждешь.

Этажом выше жили девицы, две блондинистые немки-близняшки и аппетитная китаянка. Откуда такая информация? Рассказал рыжий ирландец, спящий на нижней койке. Мы бросили сумки и двинули в город на поиски работы.

До центра Манхэттена мы добрались с трудом. Если в Нью-Йорке ты сел в поезд, идущий по красной ветке, это не гарантирует, что он вдруг не свернет на зеленую. Кроме того, некоторые станции поезда проезжают без остановок. Так что к воню и холоду добавляются еще и элементы ориентирования в подземелье. Игра на выживание всего за полтора доллара. Мы выиграли, вышли среди небоскребов Уолл-стрит.

Мы стояли среди толкающихся клерков, а каждая открывшаяся дверь обдавала волной кондиционированного воздуха. Мы застыли, задрал головы, насколько позволяла шея, завожженные сверкающими фольговыми верхушками рукотворных айсбергов.

Если сравнить полуостров Манхэттен с кораблем, а здания с командой, то громилы сбились в кучу на носу и по центру, в районе Парка. Остальной город застроен восьми-десятиэтажными домами из кирпича темного, приятного глазу цвета. Небоскребы напоминают бруски алебаstra. Колонны с капителями – цветами лотоса подпирают тяжелые скульптурные фризy, каменная резьба карнизов стягивает стены, разноцветные керамические венки обрамляют окна, бронзовые зеленые совы гнездятся под крышами, острые шпили сверкают, стальные ястребы водостоков вот-вот сорвутся, увидев добычу. Сразу видно – строили люди, уверенные в своем бессмертии. Особенно горделиво стояли башни «Близнецы». Братья-рыцари, охраняющие залив, а заодно и весь Западный мир.

Стоя у подножия двух башен, мы чувствовали себя припечатанными ими навеки. У нас возникла дерзкая мечта – устроиться туда мойщиками окон. Полировать до блеска эти стеклянные латы, за которыми подписываются контракты, решаются чьи-то судьбы, происходит любовная игра. Но в газетах таких объявлений не было. В них вообще ничего путного не предлагалось. По крайней мере, для нас. Требовались только девочки-сиделки или выгуливалышки собак за копеечную плату.

Поели в Чайна-тауне и вернулись в хостел уже в темноте. В животах переваривался рис, залитый пивом «Чинтао». Подходя к дверям, мы остановились: чего-то не хватало. Напротив тускло светилась алкогольная лавка.

Перед кассой отсчитывал бумажки покупатель бутылки «Джека Дэниэлса». Когда он повернулся, уходя, я улыбнулся ему. Типа, привет, типа, мы тоже за бухлом, мужик. Типа, я не дикарь какой-нибудь, а такой же цивилизованный, как и вы, американцы, улыбаюсь незнакомцам. Он обсмотрел меня бегло и спросил:

– У тебя проблема?

– Нет, – сказал я и почему-то извинился.

Я сунул такому же суровому продавцу очередную сотню, получил девяносто с мелочью сдачи и здоровенную бутылку кислого калифорнийского «Шабли». Документа, подтвер-

ждающего мое двадцатиоднолетие, торговец синькой не спросил. Мифы рушились на глазах. Подхватив бутылку за горлышко, как гранату, мы пошли штурмовать немок и аппетитную китайку.

Немецкие близняшки и аппетитная китаянка

В общей гостиной собрались немногочисленные обитатели хостела, сползшиеся из города после жаркого дня. Здесь был ирландец Шон, ожидающий получить по знакомству работу вышибалы в баре одного из «Близнецов», парочка смурных персон незапоминающегося пола и, конечно же, две одинаковые немецкие крестьянки и китайская пампушка. Они оказались и вправду загляденье: после трудового дня тевтонки готовили ужин, а азиатская лентяйка развалилась на диване. Я грохнул на стол «Шабли», компания оживилась.

По ходу выпивки языки у всех стали развязываться, и атмосфера заметно потеплела. Оказалось, что немки работают бэби-ситтерами на Манхэттене, а китаянка ни черта не делает, просто торчит в городе, пока не решит отчалить к родственникам в Денвер. Мы рассказали, что не можем найти работу. Никто ничего посоветовать не смог.

– А я не знала, что русские бывают темноволосыми, – китаянка придвинулась ко мне. Ее крепкая, напористая грудь уперлась в мое плечо. Я промычал:

– Таких, как я, в России мало, я необычный. – Китаянка возбуждала во мне интерес. Очень даже возбуждала. Но в тот вечер «Шабли» особенно сильно ударило в голову. Хотелось спать. Тяжелый день, восьмичасовая разница во времени, жара... Я приобнял девчонку. Юкка тем временем перешел к решительным действиям.

– Красивая татуировка, – он провел пальцем по сердечку на плече одной из близняшек.

– У меня такая же, – хихикнула другая.

– Вот как, а где?

– Показать?

– Валяй.

Немка увлекла Юкку в санузел. Сестричка последовала за ней. Шон пьяно присвистнул:

– Русский сукин сын!

Китаянка навалилась на меня всем телом и глубоко поцеловала. От сонливости я не сразу среагировал, но быстро включился и с наслаждением ответил на поцелуй. Тем временем щелкнула задвижка сортира, и оттуда донеслась возня. Строители явно сэкономили на звукоизоляции.

– Укуси меня, – услышал я Юккин английский из-за стенки и полез китаянке под майку. Юкка вскрикнул, видать, вместо одной немецкой челюсти его цапнули сразу две.

– А теперь ударь меня и скажи «красная свинья»! – потребовал Юкка. Немки пьяно рассмеялись, но выкрикнули что-то на своем сексуальном языке. Раздались звуки пощечин.

«Молодец парень, хорошая идея», – подумал я и принялся ласкать грудь моей подопечной. Китаянка застонала. Грудь у нее, надо отметить, была что надо. Соски сгущались шоколадными ягодами под моим языком. Но меня, как на зло, снова стало вырубать.

– А теперь повернитесь. Вот так. Тьфу... О, да... – донеслось из-за стены. «Вот это уже по-нашему», – порадовался я за Юкку. Послышалось мерное сопение и позвякивание каких-то банных причиндалов. Китаянка забралась мне в трусы. Я бодрился изо всех сил. Сознание орало «давай!», а тело стремительно засыпало.

Каждое позвякивание за стенкой сопровождалось нарастающими стонами. Шон, сидящий на диване напротив, захрапел.

– Кричи «Хайль Гитлер! Хайль Гитлер, русский партизан»! – скомандовал Юкка. Немки среагировали моментально. Будто всю жизнь ждали этого момента.

– Хайль Гитлер! Красные свиньи вон из Европы! Германия воспрянет!!! Зиг хайль!!! А-а-а-аааа...

Фашистские лозунги перешли в оргазм. Шампуни и дезодоранты посыпались на пол. Даже Шон вскочил, но, поняв, что это не война, глупо улыбнулся и снова засопел.

Нам так много рассказывали про фашистов в школе, что с тех пор главным желанием Юкки, хоть он и эстонец наполовину, стало – трахнуть какую-нибудь фашистскую сволочь. Главное, чтобы погрудастее была и ругалась на своем солдатском языке. Патриотическое воспитание превратило нас в садо-мазохистов. Мысли мелькнули в голове быстрой ласточкой, и я вырубился.

Глупо, конечно, и с житейской точки зрения, и с сюжетной. Отволоки я тогда эту китаянку в пустующее помещение, было бы о чем писать, а так...

Меня растолкал Юкка. Было темно.

– Чувак, вставай, надо валить, – шипел он.

– Чего? Зачем? – спросонья не понимал я. Чувствовалось, что физиономия распухла, а на щеке глубоко отпечатался рельеф диванного покрывала. Во рту мерзко горчило.

– Зачем валить, Юк? – жалобно простонал я.

– Эта сучка нажралась и впала в истерику. Короче, она орет благим матом и говорит, что вызвала полицию!

– Какая сучка?

– Косоглазая!

– А что не так? – взмолился я, стирая рукавом натекающую изо рта слюну.

– Обозлилась, наверное, что ты ей не вставил, – усмехнулся Юк.

– А... а я ей разве не вставил? А зачем тогда полицию?

– Сказать, что ты ее изнасиловал! Вставай скорее!

– Бред какой-то. А откуда ты знаешь?

– Хилли и Эльза сказали, – хитрая Юккина физиономия так и светилась в темноте от удовольствия.

– Какие еще Хилли и Эльза? – спросил я, поняв на середине вопроса, кто такие Хилли и Эльза.

Обидно, когда ничего не было, а тебя в изнасиловании обвиняют. Это Америка, тут к таким вещам относятся серьезно. Это я знаю из сериала «Санта-Барбара», где Кристи обвинила Тэда в изнасиловании, при том что Тэд к ней даже не прикасался. А ей этого очень хотелось. Вот и обвинила. От обиды. Короче, Тэда чуть не посадили.

– Я все собрал, валим! У нас все равно только до сегодня оплачено. – Юкка, всегда помнящий о практической стороне вопроса, сунул мне в нос сумку, и я, теплый, ранимый, как любой внезапно разбуженный человек, поплелся за ним следом. Сверху доносились глухие китайские подвывания. Из темноты появились немецкие близняшки. Они нежно поцеловали моего друга. Я прислонился к косяку, меня мутило. Наконец прощание закончилось, и мы тихонько спустились по лестнице, открыли дверь и скользнули в раннее нью-йоркское утро.

Свои

Просидев до открытия газетных ларьков на тротуаре, мы сразу купили парочку русских изданий. Соотечественники должны были стать для нас приютом и опорой в этом враждебном мире. Мы без труда обнаружили предложения жилья и вожделенной работы.

– Требуется мойщики окон, – прочел Юкка.

Также предлагались койки в хостеле, всего за 70 долларов в неделю. Такая цена показалась манной небесной.

– Сначала разруем работу, – скомандовал Юк. Мы зажали носы и ринулись в метро.

Офис располагался в районе сороковых улиц. Мы уточнили номер дома и поднялись по узкой, заставленной старой мебелью лестнице. Кроме нас на собеседовании присутствовал только интеллигент лет сорока. Из Таджикистана, как обнаружилось впоследствии. Встречал всех худощавый парень с носом.

– У меня уважаемая фирма, все мои клиенты с Манхэттена, – первым делом произнес парень с интонациями южнорусского кидалы. В слове «Манхэттен» примешивался презрительный американский акцент. Получалось «Манхаттэн».

– Я выдаю вам дорогостоящий комплект оборудования, и вы ездите по вызовам.

– Это не то, что мы хотели, – шепнул я Юкке. – Мы хотели сидеть в люльках...

– Комплект состоит из набора дорогостоящих щеток, специального ведра и страховочного бэлта, – работодатель начал примешивать английские слова в русскую речь.

– Бэлт стоит особенно дорого. Так как вы будете возить все оборудование с собой, а возвращаться придется поздно, то вас могут ограбить. А весь набор стоит полторы тысячи американ далларс!

Таджикский интеллигент трагически нахмурился. Мы с Юккой переглянулись.

– Если вас ограбят, кто возместит мне потерю дорогостоящего оборудования?! А? Я вас спрашиваю! – работодатель обвел нас троих строгим взглядом. Я пожал плечами.

– В сабвэе часто совершаются преступления. Это вам не Жмеринка!

Мы кивнули. Мне в Жмеринке бывать не приходилось, но, думаю, носатый работодатель был прав.

– А что, если вы вздумаете украсть дорогостоящий бэлт и набор щеток?!

Таджикский интеллигент стыдливо опустил глаза. Мы с Юккой задумались.

– Кто мне гарантирует, что вы не гангстерс и не воруете оборудование? Вы должны оставить мне в залог ваши паспорта! Это застрахует и меня, и моих клиентов. Ведь все квартиры, в которых вам придется работать, богатые. Там обстановка, вазы, ковры. Это вам не Жмеринка!

Парня явно что-то связывало с этим славным местечком.

– Согласны?!

– Надо подумать... – Мы с Юккой встали и попрощались. Интеллигент уставился на свои руки. Обернувшись в дверях, я увидел, что он молча выкладывает зеленый паспорт с сельскохозяйственным гербом бедной азиатской республики.

– Козел! – выдавил из себя Юкка, выйдя на улицу, и закурил. Я принялся пинать банку из-под колы.

– Отдайте мне паспорта! – передразнивал Юкка предприимчивого обладателя дорогих страховочных ремней и набора щеток. – А потом он не заплатит ни хрена и еще подошлет кого-нибудь, чтобы у нас отняли эти сраные щетки! И отработывай до скончания века!

– Стать рабом в свободной стране, – что-то в этом есть, – грустно усмехнулся я, вспомнив интеллигента. Не хотелось бы мне в сорок лет оказаться в его шкуре.

Мы отправились по второму адресу. Ехать пришлось долго. Сначала поезд шел под землей, а после вынырнул на поверхность и покатил среди пышных деревьев и невысоких домов. За окнами мелькали магазины дешевых товаров с витринами, расписанными граффити. Тротуары устилал бумажный сор. В вагоне постепенно остались только типы славянско-еврейской наружности. Один громко ссорился по телефону с мамой:

– Мама, вы меня не понимаете! Я же не могу их постоянно принимать!

Мамаша на том конце провода продолжала настаивать. Мужик отбивался:

– Говорили, что будет двое, а их пятеро плюс больная бабушка! Нет, мне не жалко, но бабушка – это слишком! Мама, вы меня слушаете?!

К сожалению, дослушать до конца историю про больную бабушку не удалось. Двери открылись на нашей станции.

Нужную улицу и дом мы разыскали без труда. Обыкновенный американский хаус из белых пластмассовых досок. Я позвонил.

Дверь долго не открывали. Наконец послышался голос:

– Вам кого?

– Мы жильцы!

Дверь распахнулась, представив нашим взорам худую крашеную блондинку лет сорока, похожую на кочергу.

По узенькой лестнице поднялись на второй этаж. В разных комнатах как попало, впопалку спали взрослые неприятные люди. Вспомнились фильмы про мафию и наркопритоны. Мы прошли по коридору вслед за блондинкой. Мимо прошмыгнула бледная девица в леопардовом халате на голое тело. Повсюду пахло затхлостью и неопрятным сном.

Крашеная между тем уселась на продавленный диван в комнате, служащей гостиной, и принялась нас расспрашивать о том о сем голосом дамы пьющей и курящей.

– Давно в Нью-Йорке?

– Пару дней, – вежливо отвечали мы, думая, как бы побыстрее свалить.

– А зачем приехали, на летние заработки? – любопытствовала крашеная кочерга.

– Да... – неопределенно промычали мы. Мимо прошел громила с разбойничьей физиономией.

– Москвичи? – рявкнул громила.

Мы не успели ответить, вошла крашеная.

– Я тоже москвичка, Тушино знаете?

– Вся Москва разрушена, осталось только Тушино, – ни к селу ни к городу вспомнил я дворовый стишок.

Кочерга каркаяще расхохоталась.

– А ты где живешь, остряк?

– На «Белорусской», – соврал я.

– А, знаю, я там тусовалась... у вокзала. Нормальное место, – обнаружила кочерга знание моего города.

– Вокзал супер! – зачем-то брякнул Юкка.

Повисла неловкая пауза, сопровождаемая звуком мощной струи, доносящимся из сортира, в котором заперся громила.

– Что ж я вам голову морочу, давайте покажу квартиру. У нас тут дружная семья. Живем вместе. Делим радости и невзгоды, – кочерга перешла на тон советской телевизионной корреспондентки. – Это Элла, познакомьтесь.

Девица в леопарде жеманно сунула ручку для поцелуя. Я ее пожал.

– У нас можно готовить, хранить продукты... – пела кочерга. Сонные мужики и бабы стали просыпаться и теперь бродили по гостиной, почесывая яйца и задy, зевая и разглядывая нас с аппетитом. «Уж не в логово ли людоедов мы угодили?» – подумал я.

– У нас дешево, семьдесят баксов в неделю, до сабвэя пять минут, маркет близко, люди хорошие, честные...

Оправившийся громила вышел из сортира, у которого уже выстроилась очередь, и, сплюнув сквозь зубы в нашу сторону, прошел на кухню.

Леопардовая девица поставила кофейник на плиту и провела по мне своими влажными глазами. Я вспомнил ночную неудачу с китайкой и подумал было: гори все синим пламенем, останусь с этими шлюхами и бандитами, будь что будет.

– Мы подумаем, – сказал Юкка, пытаясь сохранить деловой тон. – Надо посоветоваться.

– А чего тут советоваться! – насупилась кочерга. – Вам что, не нравится?! – ее тон резко изменился.

Мы тихонько отступали к двери.

– Мне нравится, – на всякий случай сказал я и диковато улыбнулся. – Очень нравится, но надо посоветоваться.

– Вы небось после сезона? Штуки полторы у каждого небось есть? – напрямую спросила кочерга.

Все уставились на нас, как кот Базилио и лиса Алиса на Буратино. Таких денег у нас не было, но лишаться оставшейся пары сотен тоже не хотелось.

«Если в окно, то порежусь стеклом, лучше через дверь...» – лихорадочно решал я, а вслух произнес:

– Да вы что, ребят, мы только приехали...

Я нащупал ногой первую ступеньку. Мы пятились, выставив вперед сумки и еле помещаясь на узенькой лесенке.

– Только приехали... – Кочерга никак не могла взять в толк, что из нас много не вытрясешь.

Мы развернулись и кинулись вниз.

– Все-таки подумайте! – донеслось сверху, когда я дергал непослушную дверь.

Мы вырвались на залитый солнцем тротуар. Жить по-прежнему было негде.

Русский морс

Мы оказались в русском районе города Нью-Йорка. Русским здесь был, пожалуй, только язык, да и тот существенно исковерканный. Отовсюду на нас смотрели вывески на русском, продублированные латинскими буквами. Кафе «Volna» или парикмахерская «U Abrama». Народ представлял собой тот тип, который так свойственен южным городам Украины. Смесь евреев, греков, татар, хохлов, русских и бог знает кого еще копошилась на раскаленных улицах Брайтона. Смесь фыркала, пихалась локтями, лузгала семечки, сморкалась, бранилась, плевалась и делала все то, что обыкновенно делает в своих родных городках и местечках. Мы неожиданно почувствовали себя иностранцами и начали тупо улыбаться, как это делают западные туристы в России. В горле пересохло, мы зашли в продуктовую лавку.

Если вам не удалось застать Советский Союз, а очень хочется – отправляйтесь на Брайтон-бич. Продукты, конечно, современные, но шарм тот. Очень быстро начинает казаться, что ты попал в прошлое. У дамы, стоящей в очереди перед нами, происходила перепалка с продавщицей.

– Шо это за карот?! Это не карот, а черт знает что! – возмущалась дама, тиская вялые морковочки, которые ей отсыпала продавщица.

– Нормальный карот! Не нравится – проходите, женщина, не задерживайте очередь!

– Дайте мне другой карот! Я буду жаловаться! – напирала дама.

– Жалуйтесь куда хотите! Следующий! – продавщица взглянула на меня.

– Ключ... – не успел я произнести и слова, как дама с морковкой пошла в атаку.

– Вы шо?! Я мэру напишу! Я лоеру напишу! – и швырнула мешочек с морковкой в продавщицу.

– А вы не кидайтесь!

– А ты меня не учи!

– А ты мне не тыкай!!! Климакс лучше вылечи!

– На себя посмотри! Намазалась, проститутка, и бздывает!

– Щас ты у меня сама добздыкаешься! Мужчины, выведите ее отсюда! Есть тут мужчины?! – продавщица уставилась на нас. Не знаю, как у Юкки, а у меня сразу появляется неприятное предчувствие, когда я слышу визгливый вопль «есть тут мужчины?!». Обычно это кончается бессмысленным мордобоем, увечьями и милицией. К счастью, дамочка ретировалась сама. Я улыбнулся продавщице.

– Чего надо?!

– Ключвенный морс, пожалуйста, – вежливо попросил я, склонив голову. Я никогда не пробовал этот морс и решил, что уж тут-то я просто обязан выпить глоточек. Тетка посмотрела на меня, как на дегенерата, и швырнула пакет с морсом. Пакет, словно пушечный снаряд, чуть не вынес меня вон, но я устоял. Тетка одобрительно хмыкнула.

– Два пятьдесят.

Я отсчитал деньги, и мы вышли на улицу. Присев у стены, прямо под окнами лавки мы раскупили пакет и, выпив по глотку, принялись обдумывать свое нынешнее положение.

– Что делать будем? – обратился я к Юкке. Тот молча курил свою привезенную «Яву».

– Купаться пойдем.

– В смысле? – такое сибаритское отношение к жизни меня немного шокировало. – Мы же бездомные! А скоро будем и безденежные.

– Искупаемся, а там посмотрим. Я слышал, здесь хороший пляж.

Пляж

У нас, как у всех жителей Севера, при виде теплого моря сработал рефлекс радости. Мы позабыли о невзгодах, скинули обувь и ступили на песок. Через пару шагов пришлось остановиться и снова обуться. Пляж – широкая полоса раскаленного песка, битого стекла и морского мусора – обжигал ступни невыносимо. Я почувствовал себя турецким кофе.

Мы пошагали к воде, лавируя между развалившимися на солнцепеке отдыхающими. Преобладали качки и фигуристые крашенные блондинки. Все лежали на подстилках, мазались кремом и пили прохладительные напитки. Со всех сторон смотрели каменные лица, свойственные загорающим. Блестели мускулы, накачанные животы, упругие задницы. Мы подошли к полосе прибоя. Пена лизнула носы обуви.

– Кто первый? – спросил я.

– Давай ты, мне что-то расхотелось.

Я стянул штаны, футболку, сбросил кеды и, оставшись в широких трусах, разрисованных яблоками, обхватив себя руками и потирая бока, зашел в воду.

Я не любитель дальних заплывов. Десять гребков туда, вынырнул, фыркнул, пустил фонтанчик, десять гребков обратно. Не прошло нескольких минут, как я уже выходил из морской пены, гордо развернув кажущуюся мне в тот момент широкой грудь навстречу восхищенным взорам. Там потягивается красивая мулатка, тут щебечут неугомонные малыши. Я смотрел по сторонам глазами Цезаря, вступающего с триумфом в Рим, и тут внутренний голос шепнул: «Опусти глаза, опусти глаза, Саня».

Тогда, как, впрочем, и сейчас, я доверял интуиции и поэтому посмотрел на нижнюю часть тела. О ужас, из клапана, расположенного на трусах спереди, предательски высывался... Да что там говорить, и так ясно, что высывалось из клапана. От прохладной воды он съезжился и напоминал сморщенную морковку из магазина. Я молниеносно заправил вырвавшуюся плоть, поджал губы и, не теряя достоинства, пошлепал дальше.

Надо сказать, мой маневр не остался незамеченным. Парочка девиц презрительно усмехнулись, мать семейства попыталась отвлечь малышку-дочь строительством песочного замка, а Юкка сотрясаясь от безмолвного смеха.

– Неплохо! Еще чуть-чуть, и тебя арестуют за демонстрацию члена малым детям на пляже. – Юкка громко расхохотался и расстегнул сумку, чтобы убрать рубашку. Здесь надо отметить одну важную вещь. Чтобы не обременять себя багажом, мы взяли с собой только самое необходимое: пару обуви, пару штанов, футболку и по две пары носков. Я, правда, прихватил с собой русский сувенир – бутылку водки. На всякий случай. В подарок неизвестному другу. Таким образом, мы всегда ходили в одной одежде, невзирая на погоду и обстоятельства. Например, в тот день на пляже Юкка был обут в черные ботинки, рассчитанные на московскую осень, а рубашка была с длинными рукавами, вот он и решил ее убрать, пока жарко.

Итак, Юкка расстегнул молнию, и показалось нутро его сумки. Я почувствовал странный запах. Знакомый запах. Весьма неприятный. Пока Юкка запихивал рубашку, запах усилился. Вспомнил! Так пахло в метро, в первом хостеле, в русском притоне, в магазине! Ветерок дул в противоположную сторону, но запах не улетучивался.

– Юк, чем это несет?!

– Это от сумки... – смутился мой друг.

Я молча ждал объяснений. Юкка начал издали.

– Понимаешь, у меня мама – рукодельница. Все делает своими руками. В детстве она нам носочки вязала, шарфики. Когда в девяносто четвертом мы переехали в Таллин и про-

водили первое лето на море, мама связала мне рыбацкую шапочку. У эстонских рыбаков есть традиция носить цветные вязаные шапочки.

– К делу давай!

– Все лето я носил эту шапочку, потом привез с собой, когда вернулся в Москву. Это мой талисман.

– Не знал, что эстонцы такие сентиментальные! – Я хлопнул Юкку по плечу. – И что, ты ее все эти годы не стирал, что ли? Почему она так воняет?

Я попытался понюхать шапочку, которую Юкка тем временем достал, но не смог. Разило ужасно.

– Стирал, конечно... Просто прямо перед отъездом на шапочку нассал Лучик... Я ее замочил, а постирать не успел...

Я прямо опешил от такого откровения.

– То есть у тебя в сумке обоссаная котом грязная шапка?!

– Я завязал ее в три пакета. Думал, пускай полежит, пока мы не устроимся...

Запах, надо признать, был убийственный. Влюбленные, расположившиеся поблизости, покосившись на нас, пошли искать другое место.

– Мы как бомжи в метро! От нас народ шугается! – Мы были не прочь примерить на себя роль изгоев общества. Мне не хотелось отставать, я расстегнул свою сумку и принюхался. В горле запершило. Запах прокисших носков, засунутых впопыхах поглубже, вырвался наружу, и воздух приобрел туманный оттенок. Юкка одобрительно хмыкнул. Мы шли рука об руку по чужой стране. И воняли с одинаковой силой.

Музей

Мы сидели на лавочке променада Брайтон-бич, жарились на солнце и лениво обдумывали свое положение.

– А давай сходим в Метрополитен? – предложил я и неумело харкнул под скамейку. Я простыл.

– В метро?

– В музей. Метрополитен-музей. – Я издал хрюкающий звук, собрал в горле слизистый ком и снова плюнул.

– А это где?

– Где-нибудь в центре, наверное, на Манхэттене. Отец просил сходить.

– Все равно в центр надо ехать... но если это дороже десятки, я не пойду, – строго сказал Юкка, и мы отправились в музей.

Мой папаша хоть и вояка, но романтик. Обожает всякое искусство. Даже собрал целую коллекцию репродукций картин из журнала «Огонек». Больше всего меня интересовало изображение женщины в декольтированном платье, стоящей на кровати, к которой подступает вода. Спасаясь от воды, на кровать лезли крысы. Женщина заводила глаза к заплесневелому потолку и страдала. Действие происходило в сумрачном помещении с зарешеченным окном.

Это была княжна Тараканова, заточенная в тюрьму за претензию на родство с императорской семьей. Мне всегда казалось, что фамилия этой дамы как-то связана с существами, лезущими на кровать. «Ведь не только же крысы спасались, тараканы наверняка тоже, просто их не видно», – думал я.

На мой десятый день рождения отец подарил коллекцию мне со словами: «Я задел сделал, продолжать тебе». Я полюбовался какое-то время утопающей княжной и вскоре забросил собирательство.

Кроме репродукций из «Огонька» отец любит музеи. Любые. Поначалу мы посещали только краеведческие развалюхи провинциальных городков, в которых квартировал отец. В каких музеях и музейчиках я только не был, и в Иваново, и в Торжке, только в Афганистане отметиться не довелось. Туда мы за отцом не поехали. Он вернулся, привез видик, и вскоре его направили в академию Генштаба, в Москву. В столице папашу совсем понесло. Кости допотопных мамонтов сливались у меня с шапкой Мономаха, старинное оружие путалось с чучелами первых космонавтов Белки и Стрелки. Однако кое-что мне из этого вихря вынести удалось. Я полюбил искусство, точнее живопись. Пропустить Метрополитен было бы преступно, да и отец наказал заглянуть вместо него. На его пенсию в Штаты не съездишь. Мы выпили пива и через сорок минут стояли на белых ступенях красивого здания у Центрального парка. Это и был музей Метрополитен.

Охранники попросили открыть сумки. Дама в белой рубашке отпрянула, начав было рассматривать Юккин скарб – ее ведь не предупредили насчет шапочки. Дама зажала нос и попросила меня открыть сумку. Я подчинился. Дама снова поморщилась и велела проходить. Мы улыбнулись и ступили в храм искусства. Теперь я знаю, как можно, будучи террористом, надувать чувствительных секьюрити западного мира.

Давно я не получал такого удовольствия от музея. Юкка, безразличный к прекрасному, и тот трепетал. Тем более каждый билет обошелся нам всего в доллар. Платить можно было сколько угодно, минимальная цена за вход составляла четвертак, но мы решили не жмотничать и выложили по целому баксу на рыло. Меня ждало потрясение. На старых репродукциях из «Огонька» краски картин были другими, в подлиннике картины выглядели иначе. То, что я считал синим, оказалось лиловым и бирюзовым, а красное и вовсе было нежно-розовым.

Я не сразу узнавал своих кумиров и в итоге понял, что любил другую мировую живопись. Но и эта, настоящая, мне тоже очень нравилась. Я получал буквально физическое наслаждение. Сначала туманные пейзажи Коро, потом рациональный Сезанн, затем безумный принц Ван Гог. Ирисы и розы, страстные и желанные, словно прогуливающиеся по центральной улице столицы и разодевшиеся по этому поводу в пух и прах девчонки с окраин. Я засмотрелся и покраснел, когда они заметили меня. Большие таитянки Гогена, розовые толстушки Ренуара, изящные дамы Моне, праздничная Венеция Каналетто... А дальше, дальше Лихтенштейн со своими комиксами про смельчаков, бомбивших Вьетнам, латиноамериканский мужчина в костюме-двойке, склеенный из пластмассы и железа. Перед изогнувшейся в истоме монмартрской сучкой Модильяни я просидел полчаса. Хотя, может, я просто устал. Отцу я решил не рассказывать о своем открытии. Ему вредно нервничать. Пускай думает, что цвета у картин такие же, как в «Огоньке».

– Сколько прекрасного! – выдохнул я, переполняемый восторгом. Мы вышли из музея на белые ступени. – Какая концентрация прекрасного! Боже, я изнемогаю от любви к прекрасному! – Обессиленный, я опустился на мрамор, истертый тысячами ног. – Искусство – великая тайна! Сколько тайн хранят эти стены!

– Тайн... – скептически повторил Юкка и закурил. – Я слышал, в Москве на стройках новых домов мертвых гастарбайтеров замуровывают в стены, чтобы с похоронами не возиться. Вот это я понимаю, тайны в стенах.

– Это как? – мое возвышенное настроение как ветром сдуло.

– А так, мне знакомый архитектор рассказывал. А ему один прораб, по пьянке. Строителями в основном всякие чурки вкалывают, без роду и племени. Вроде как мы здесь. Работают нелегально, естественно. Строительным компаниям не выгодно их оформлять, налоги, тягомотина. Ну вот и прикинь, если такой чурка упадет с лесов или помрет от воспаления легких, куда его девать? Он же нелегально работал, регистрации нет. В моргах взятки давать дорого, вот они их просто в опалубку сваливают и бетоном заливают.

– А как же пустоты?

– Какие пустоты?

– Ну, тело ведь усыхает, и образуется пустота. Здание может рухнуть.

– Они же не лохи, у них там инженеры деньги получают, все рассчитано.

Мы помолчали.

– Живешь так в дорогом пентхаусе с видом на Храм Христа Спасителя и не знаешь, что у тебя в стене, между кухней и гостиной, как раз за свадебной фотографией, азиатский чувак замурован...

– Да уж...

– А ты там трахаешься, бухаешь, детей растишь... – тут меня осенило. – Это же как в Помпеях!

– А что в Помпеях? – не понял Юкка.

– Там, когда раскапывают пепел, которым город завалило, находят пустоты, повторяющие форму человеческих тел. Кто застыл, уклоняясь от лавы, а кто в постели с женой, проснуться не успел. Тела давно истлели, а пепел окаменел. Теперь туда заливают гипс и получают фигуры древних людей.

– Круто!

– Прикинь, через тысячу лет Москву будут раскапывать археологи и найдут руины таких домов, а внутри пустоты из-под мертвых чурок. Круто, да?!

– Ага! Скажут, вот типичный житель древней Москвы. В ту эпоху у обитателей этого города была традиция хоронить мертвецов в стенах своих домов...

А еще этот прораб говорил, что чурки у него каждую неделю требовали живого барана.

– Зачем?

– Ну они же мусульмане.

– А...

– Короче, он привозил им барана прямо на стройку, они набивались в какую-нибудь недоделанную квартиру, резали барана, разводили на полу огонь и готовили плов или шашлык! Кровища, говорит, лилась рекой.

– Ну, это уже гон!

– Я тебе клянусь

– Если так, то современные дома – это какие-то языческие храмы; в них и хоронят, и жертвы приносят, и ритуальные пиры закатывают...

По гранитным тротуарам стучали каблучки безразличных красавиц, солнце ярко светило, а наши шансы выжить в этом прекрасном городе стремительно сокращались.

Юкка снова купил газету. Там он нашел объявление центра по испытанию новых медикаментов. За участие в экспериментах обещали неплохие деньги. Я обнаружил, что натер палец. Пришлось замотать пластырем, отчего он стал похож на египетскую мумию.

Пиво и мандала

У Юкки был целый список хостелов. Он угробил несколько четвертаков, пока говорил с портье каждого из них по телефону. Наконец в одном обнаружили свободные койки. Туда мы и отправились. По дороге заехали в Чайна-таун. Пожрали и затарились блоком «Чинтао».

В хостеле оказалось, что алкоголь пить запрещается. Унылое место в черном Гарлеме. Вокруг сплошь черномазые; стучат об асфальт баскетбольными мячами и орут. Прохожие норовят задеть плечом. Все, включая древних старух, недоброжелательно смотрят вслед. Один раз мелькнула белая физиономия, да и то в полицейской тачке с наглухо задраенными окнами.

Мы отправились в сортир и сбили пробку об угол мусорного бака. Решили сэкономить и выпить бутылку на двоих, закрывшись по очереди в кабинке. Я вызвался первым. Заперся, приложился к горлышку. Тут мне стало смешно.

Я увидел себя со стороны, топчущимся возле унитаза с бутылкой пива. Увидел Юкку, пытящего от нетерпения за дверцей. Смешно, что я, как восьмиклассник, тайно пью пиво в тубзике, затерянном в черных кварталах Нью-Йорка, норовя отхлебнуть больше положенной половины бутылки. Я заржал в голос, поперхнулся и пукнул.

– Сань, ты че? – хихикая, поинтересовался Юкка.

Тут со мной сделалась истерика, и я сполз на пол, давясь пивом и соплями. Вспомнилась начальная школа, когда на завтраках в столовой все пили компот и неизменно ржали. Компот лился через нос, а я, пытаясь затянуть его назад, наглатывался соплей. Со мной такое класса до десятого случалось.

Видать, Юкка понял, что дело плохо, и выломал хлипкую дверцу. Увидев меня на полу, бьющимся от хохота и конвульсий головой об унитаз, Юкка вырвал у меня почти опустошенную бутылку. Он жадно присосался к горлышку, и его кадык так и заходил, пропуская внутрь организма драгоценные капли.

Вытерев локтем сопли, а футболкой слезы, я встал.

– Ну ты и сука, – рыгнул Юкка.

– Сори, чувак, очень смешно стало, и я лишнего хлебнул, – оправдывался я.

– Обормот, – Юкка дружески похлопал меня по спине. – Не подавился, мой малыш?

– Подавился, – прохныкал я и снова закашлялся. Юкка заржал и крепко огрел меня по спине. Швырнув бутылку в ведро для использованной туалетной бумаги, мы покинули санузел и улеглись на свои койки в узенькой комнате, полной храпящих тел.

– Завтра позвоню в центр по испытанию лекарств, – сказал Юкка, засыпая.

Ко мне сон не шел. Я лежал на спине, слушал жужжание кондиционера и думал о своем натертом пальце. Он ныл все сильнее. Мне стало страшно. От всей безысходности нашего положения, от перспективы участия в медицинских экспериментах, от усталости и мужской трусливости перед болезнями я совсем перепугался.

Палец опух.

– Гангрена... – прошептал я и, вскочив с кровати, пошарил в карманах Юкки. Достал зажигалку, чиркнул. Огонь осветил распухший волдырь пурпурного цвета. Меня прошиб ледяной пот. Я увидел себя с ампутированной ногой, ползающим по Пятой авеню и хватающим богатых шлюх за подол. «Подайте, тетенька, Христа ради»!

Есть у меня такая черта – целиком погружаться в панику в самые неожиданные моменты. Не тогда, когда опасность реальна, а когда она умозрительна. Я настоящий трус по мелочам. В школе я боялся математичку, когда приходил с несделанными уроками. Потом я боялся, что отец отправит меня в армию. Последним моим страхом стал букет кармических заболеваний, которые я у себя обнаружил. Однажды, маясь от скуки, я листал в магазине

эзотерическую книгу. Автор предлагал узнать о сглазах, рассчитав их с помощью собственного имени. Каждая буква алфавита соответствовала определенному числу. Я написал свое имя, а под каждой буквой цифры. Потом сложил и...

Моему ужасу не было предела. Оказалось, что надо мной тяготеет целая россыпь проклятий и наветов: венец безбрачия, врожденное слабоумие и высокая вероятность самых страшных венерических заболеваний. Моя мандала была дырявой, как тряпка, кармическая линия еле проглядывала, а вибрационный ряд не годился даже для трупа. Оказалось, что в четвертом и седьмом воплощениях я подвергся ужасающим сглазам. Венерические заболевания на меня наслали в восьмом, а воплотиться им было суждено в десятом. Я же, согласно расчетам, пребывал именно в десятом воплощении. В конце книги указывался телефон, по которому шла запись на очищение кармы и подкачку биополя.

Тогда, спустив штаны, я принялся себя рассматривать. Все показалось мне каким-то не таким. Я стал вспоминать свои любовные связи. «Ну конечно, у Сабины наверняка было что-нибудь такое, что даже через презервативы проникает. А у Нинки... у Нинки еще хуже. Мне суждено сгнить заживо!» Я так себя накрутил, что чуть с жизнью не покончил. Выпил бутылку водки для дезинфекции, а на следующее утро в похмелье кинулся в венерологический диспансер.

— Когда был последний половой контакт? — спросил доктор.

— Месяца полтора назад.

Доктор взглянул на меня, как на шизофреника. Надо ли уточнять, что я был абсолютно здоров.

— Сексом занимайся почаще, парень. Неврозов не будет. И запомни, лучше десять раз переболеть триппером, чем один — импотенцией, — сказал доктор. — И пей поменьше.

Однако в ту нью-йоркскую ночь предыдущий опыт меня не остановил. Я понял, что на этот раз влип и только сам могу спасти себя от горькой судьбы.

Я расстегнул сумку, погрузил руку в свои пожитки и после недолгих поисков выудил бутылку «Столичной». Единственный имевшийся под рукой антисептик и успокоительное. «Не до сувениров, в живых бы остаться», — подумал я и крутанул крышку.

Теплая, жгучая «Столичная» имела отвратительный вкус. Из экономии мы мало ели, и мое «лечение» превратилось в муку. Я давился, морщился, но хотел жить. Проверил на просвет и вытряхнул в себя все до последней капли.

Мы пытаемся торговать ресурсами собственных тел

Проснулся от недостатка воздуха. Что-то горькое с привкусом желчи мешало дышать. Моя собственная блевотина. Хватая ртом воздух, я вскочил и, отплеываясь, зашелся кашлем. В носу першило. На глазах слезы. После выпитой бутылки меня начало рвать во сне. Я лежал на спине и вполне мог захлебнуться. Хорошо, что накануне почти не ел.

Соседи по комнатке пожаловались, и нас выставили из хостела из-за испачканной мною наволочки и переполоха. Мы подошли к ближайшему телефону-автомату – звонить в медцентр. Опухоль на пальце, кстати, спала.

Из нас двоих говорить по телефону более или менее умел Юкка. Одно дело болтать по-английски с человеком, которого ты видишь, а другое – с кем-то далеким и безразличным на том конце провода. Моя мать хоть и преподавала английский, но изъяснялся я коряво. Вместо любви к английскому мать привила мне ненависть своими вечными уроками и проверками.

Ребята в телефонной трубке были рады таким, как мы. Молодые, здоровые, на грани отчаяния, не искушенные в правосудии. Им только таких подавай. И все ради науки! Чтобы изобрести помидоры с геном крокодила или говорящую овечку. Крокодилы помидоры не портятся по полгода, а говорящие овечки могут развлекать холостяков одинокими вечерами.

Центр генетических исследований находился на окраине и представлял собой огромный комплекс зданий с парком и прудом. По дорожкам вальяжно прогуливались утки. Роскошный холл завершался уходящей полукругом лестницей дворцового образца. Кондиционеры обеспечивали чистоту воздуха, искусственный мрамор давал прохладу, огромные цветущие растения распространяли ароматы. Туда-сюда шныряли работники больницы, в основном черные и латинские женщины. Я подумал, что было бы совсем здорово, если бы эти дамочки ходили голыми. На каблуках, например, и в маечках. Или в одних трусах. Проходит такая мимо, а ты ее по заду шлепаешь, типа, привет, как дела. А она тебе рукой ширинку щупает, типа, дела нормально.

Я вспомнил русские больницы с тусклым освещением, грязным полом и охранниками в замусоленных куртках. Вспомнил и решил больше не вспоминать.

Нас попросили подождать на диванчике возле стены, украшенной картинами со сценами из жизни индейцев.

Главное, чтобы было не больно. Но это же не зубная поликлиника, больно быть не должно. Здесь нас будут кормить. Мы сможем принимать душ. Мы будем под наблюдением врачей. Ну, возьмут пару анализов, ну, дадут выпить экспериментальную пилюлю, и все. Зато кучу денег заплатят. Потом мы выйдем на свободу, нащупывая в карманах чеки на хорошие суммы, и отпразднуем.

Юкка в это время думал по-другому: рискованное мероприятие, гарантий мало, здоровье можно испортить, сколько мы тут проторчим – неизвестно. Хотя... двадцать пять в час... это шестьсот в день, это четыре двести в неделю! На двести накуплю лотерейных билетов, треху сразу отложу маме на зубы, остальное прогуляю. Неплохо.

Полная негритянка любезно проводила в кабинет для сдачи анализов. Пришлось поделиться кровью и мочой. Сделали УЗИ и рентген.

– Приходите завтра, – любезно улыбнулась негритянка. – Если с вашими анализами все в порядке, вы станете участниками эксперимента.

– А если не в порядке? – поинтересовался Юкка.

– Тогда мы расстанемся друзьями, – подмигнула негритянка. – Кстати, у нас есть банк спермы. Там тоже можно подработать, нам нужно много качественной спермы для матерей, желающих зачать без отца. С виду вы ребята симпатичные, но для этого придется еще пройти тест на умственный коэффициент.

– Давайте нам тест прямо сейчас, – попросил Юкка.

Негритянка улыбнулась и повела нас коридорами цвета слоновой кости. Мы летели, как на крыльях. Дрочить за деньги мне еще не приходилось. А мысль о том, что после этого где-то в Америке появится мой сын – или дочь, – которого я никогда не встречу, будоражила воображение. Передав нас на поруки другой негритянке, наша негритянка игриво подмигнула и попрощалась.

– Хотите сдать сперму?

– Очень, – закивали мы.

– Вам придется пройти тест на IQ. Американским матерям не нужны отцы-идиоты.

– Мы иностранцы, можем многое не понять, – посетовали мы.

– У нас есть вариант для иностранцев.

– Тогда мы готовы, – нам не терпелось приступить.

Сестра выдала анкеты и завела таймер.

– В вашем распоряжении час.

Мы взялись за дело. Дельфин – рыба или млекопитающее? Какая формула у кислорода? Кто такой Авраам Линкольн?.. Час пролетел незаметно. На большую часть вопросов мы с грехом пополам ответили. Сестра запечатала анкеты.

– Завтра мы придем за результатами анализов в лабораторию.

– Заодно ко мне зайдите. И никакого секса.

Мы вышли на источающие сухой пар плиты тротуара.

– Интересно, там журналы дают или фильмы показывают? – рассуждал я.

– Люблю журналы, – начал мечтать Юкка.

– А мне кино больше нравятся. На кино у меня сразу встает. Великое искусство.

Только вместе

Наступил долгий вечер. Свет в это время становится золотистым, и все выглядит потрясающе. Впервые за все дни, проведенные здесь, мы шли не спеша.

– Хорошее дело – сперму сдавать, – предавался рассуждениям Юкка.

– Высоконравственное, – кивнул я.

– А что, поможем каким-нибудь лесбиянкам, которые мужиков не выносят, а детей хотят.

– Всегда мечтал, чтобы матерью моего первенца стала лесбиянка, – сказал я, любуясь золотистыми облаками, которые потихоньку становились сиреневыми.

– А что, если одного возьмут, а другого нет? Что делать будем? – Об этом мы еще не думали. – Прикинь, у тебя какой-нибудь врожденный дефект и ты не подойдешь? – предположил Юкка.

– А почему это если дефект, то сразу у меня?! Может у тебя дефект?!

– Ну, пускай у меня.

– Если у тебя будет дефект я... я буду дрочить целыми днями и кормить тебя на эти деньги. Будешь моей содержанкой. А потом я стану миллионером и скажу: «Я сэлф-мэйд мэн. Дрочкой я пробил себе дорогу в жизни! Да здравствует Америка»!

Последнее утро Нью-Йорка

Ночь мы провели в очередной ночлежке. Вдохновившись радужными финансовыми перспективами, мы отправились в место, дороже предыдущих на пятерку. Там была плоская крыша, на которой можно было сидеть, развалившись в шезлонге. Мы смотрели на сиреневые облака и черные накопительные баки для воды, торчащие на длинных ногах на каждой крыше. Возможно, завтра нам предстоит обменять здоровье на деньги. Не все здорово, конечно, но часть. Двойственная перспектива. А что, если нам откажут? Что, если нам оставят жалкое здоровье и не предложат денег? Идеальным вариантом было бы пристроиться при банке спермы, заколачивать там по сотке за раз и в ус не дуть. Придется на время забыть о личной жизни, но какая личная жизнь, если в животе урчит от голода и нет своего угла. Нам отчаянно требовалось решение. Ведь денежные запасы почти подошли к концу. Впереди была неизвестность. Мы, как американские призывники, толпящиеся за створками десантного катера, не знали, что нас ждет: немецкая пуля или еще несколько часов жизни в боях за отвесные берега Нормандии.

Наутро мы были свежи и уверены в своем пути, словно святые. Мы воспользовались непривычной роскошью – бесплатным завтраком из пончиков и кофе. Я съел пятнадцать пончиков и весь раздулся.

– Чтобы лесбиянкам больше досталось, – чавкал я, запихивая в пасть очередной пончик. – Организму нужно топливо.

С трудом оторвавшись от стола, мы тронулись в путь.

Запах гниющей Юркиной шапочки уже вполне успешно конкурировал с вонью подземки. Не просто дополнял ее, а даже перебивал. Это было нашей мстью городу великих возможностей. Ответным ударом гуннов по гнезду англо-саксонского благополучия. Теперь наступила очередь местных морщить свои носы. Даже черномазые бродяги отодвигались от нас. Тяжелую артиллерию шапочки поддерживали легкие танки моих грязных носков и авиация нашей давно не стиранной одежды. Гордые изгои. Свободные люди великой страны.

В медцентре нас принял доктор, похожий на хорька.

– Мистер Зеленин, – обратился доктор-хорек к Юкке. – К сожалению, ваши анализы не вполне удовлетворительные. У вас вода в левой почке. Явно наследственное заболевание. Для жизни это не существенно, но для экспериментов... Наши исследования посвящены генетическому воспроизведению внутренних органов, в частности почек... Мы вынуждены вам отказать.

Юкка весь подобрался. Я почувствовал его напряжение.

– Мистер Снегирёв, поздравляю, с вашими анализами все в порядке. Вы абсолютно здоровы. Остается обговорить условия соглашения, – доктор улыбнулся.

Повисла пауза.

Я сглотнул, мне показалось, что глоток прогремел на весь кабинет. Не слюну сглотнул, а мешок с бутылками в мусоропровод сбросил.

– Сори, мистер Дженкинс... – буркнул я хрипловато, входя в роль благородного ковбоя, который своих индейцам не отдает. – Сори, но мы с коллегой вместе. Один я не работаю.

Доктор пожевал губы.

– Что ж... тогда американская наука потеряет прекрасный экземпляр.

Мы пожали доктору руку, а вчерашняя негритянка Дженни даже растрогалась, видя такое товарищеское братство.

– Теперь про сперму узнаем, – сказал я, когда мы покинули кабинет.

– А чего узнавать... – Юкка понурился. – Меня не возьмут. Кому нужен ребенок с наследственной водой в левой почке...

Мы отправились в центр материнства и зачатия.

Юкка оказался прав; я подходил, он нет. С коэффициентом умственного развития я, конечно, подкачал, но крепкое здоровье сыграло решающую роль.

– Есть простой выход, мистер Снегирёв. Вы можете сдать сперму сейчас, если количество здоровых сперматозоидов выше двадцати процентов, вы сразу получите банковский чек. Это не займет много времени.

– Расскажи хоть потом, там журналы или фильм, – понуро напутствовал меня Юкка, когда я удалялся с пластмассовой емкостью размером со среднюю баночку от детского питания. Глядя на этот размер, я почувствовал себя пигмеем. Вот так мужчины живут в этой стране.

Однажды я видел комедию про искусственное оплодотворение. Там немолодая пара, желающая завести ребенка, обращается к врачам. Потом главный герой запирается в специальной кабинке с баночкой и пачкой порножурналов... И потом ему не хватает этой баночки, требуется еще одна баночка, и еще... Или я путаю с комедией, где мочу на анализ сдавали... не важно. Меня проводили в кабинку.

– Когда закончишь, поставь баночку сюда, – сестра указала на откидной люк в стене, напоминающий люк мусоропровода. – И нажми эту кнопку, – рядом с люком было что-то вроде выключателя света. – В анкете укажешь время, когда собрал сперму, поставь имя и распишись. Если что-то попадет мимо, укажи здесь, – сестра отметила пальчиком место, где надо было отметить, если что-то улетит в сторону. Я сделал вид, будто у меня в руках брандспойт, который я не могу удержать, и его мотает в разные стороны. Сестра улыбнулась.

– Удачи, сладкий!

Я огляделся. На столике лежала стопка «Пентхаусов» и «Плейбоев», на полке стоял телевизор с проигрывателем. Возле раковины лежала пачка салфеток «Клинекс». На стене висел плакат с голыми мужиками, волосатыми и подбритыми, в порнографических позах. Толерантный кабинетик, возбуждение на любой вкус. Я наскоро пролистал несколько журналов. Некоторые страницы оказались вырваны. В фотографиях девушек было что-то не то, что-то странное. Киски непривычно лохматились, у каждой девицы лоб закрывала челка. Ботфорты какие-то, варенки. Я всмотрелся в обложки. Восьмидесятые! Все журналы были пятнадцати – двадцатилетней давности. Все соответствовало периоду молодости клиентов. Ведь в этом кабинете из себя выжимали последние соки сорокалетние мужички, оплатившие искусственное оплодотворение. Молокососы вроде меня здесь оказывались редко.

Фильмы классифицировались по расовому принципу: блондинки, азиатки, черные. Выбрал черных, удобно устроился в кресле.

Люблю хорошее порно, не то, где все показано крупным планом во весь экран, а то, где интрига, игра, томление, не слишком типовые лица и прочее.

В тот день мне не очень повезло. Пожилой сластолюбец, похожий на одного известного русского поэта, ахал, охал и причмокивал, мацая худенькую мулатку. Я прибавил громкость, проходящим по коридору пришлось разделить аудиочасть моего развлечения. Мулатка была слегка зажата, хотя иногда истома касалась ее личика своим крылом. Наконец порочный «поэт», покряхтывая, засунул в рот мулатке здоровенный, очень похожий на вялую разваренную сосиску член. Со стены мерзкие качки крутили своими шлангами. Я решил просто закрыть глаза. Этого оказалось лучшим средством.

Баночка сделалась горячей. Не буду врать, что полной. Хотел бы издалека взглянуть на того, кто эту бадью хотя бы на треть заполнит. Но только издалека.

Я черкнул в анкете время – был ровно полдень. Говорят, все мистические события происходят в полдень и в полночь. Открыл люк «спермопровода», поставил баночку в нишу, с другой стороны которой тоже имелся люк, собрался нажать на кнопку, и тут странное чув-

ство охватило меня. Оставляя сперму в презервативе, выстреливая ею на чье-то тело, сбрасывая на землю, не задумываешься о смысле содеянного. А тут я вдруг ощутил, что в баночке заключена великая энергия, которую я растрачиваю попусту. Из баночки может появиться человек, который весь мир перевернет вверх дном. Пусть не он, но его внуки, правнуки. Он может стать кровопийцей или святым, ищадием ада или посланцем небес.

Я крепко сжал баночку.

С другой стороны... если не избавляться от этого концентрата жизни, организм отравится. Появятся воспалительные процессы, простатит. Противоречивая штука, ничего не скажешь. Отдам я ее лучше врачам, пусть сами разбираются. Я нажал кнопку.

Тотчас открылся люк с обратной стороны. Мулатка, похожая на ту, которая только что постанывала на экране, извинилась, увидев, что я еще не закрыл свой люк. Мы смотрели друг на друга через окошко люка, нас разделяла баночка.

– Ничего. Берите, пожалуйста.

– Ой, какая горячая! – пошутила мулатка, игриво дуя на пальчики.

Минут через двадцать мне объявили, что мой генетический материал соответствует мировым стандартам, и выдали чек на тисненой бумаге. Я разыскал Юкку в парке. Он разговаривал с уткой, голову которой покрывали красные замысловатые наросты, которые я принял за последнюю стадию сифилиса. Увидев такие же у других уток, я понял, что это декоративная порода. В медцентре, видимо, не только с людьми экспериментируют.

– Ну что, журналы или фильмы?

– Только фильмы, – соврал я. – Да и то с мужиками. Пришлось вспомнить все самое лучшее.

Работа найдена

Юкка и я решили заглянуть в Колумбийский университет, где нас инструктировали в первое утро.

– Там могут быть объявления, как мы сразу не догадались! – стукнул себя по лбу Юкка. – Работодатели ведь знают, куда приезжает толпа студентов.

Доска информации университета и вправду была залеплена листками с предложениями работы. Юкка принялся их изучать, а я, целиком положившись на моего делового друга, развалился на бордюре.

– Есть! – завопил Юкка минуты через три. – Требуются официанты в ресторан! Один ресторан в штате Массачусетс, другой в Северной Каролине, – уточнил Юкка.

– Это где?

– Кажется, соседние штаты, а может, через один. Точно не знаю.

– Куда деваться, звони.

Мы сгребли все имеющиеся четвертаки и двинули на поиски телефона. Он обнаружился в подворотне неподалеку. Я сел на вентиляционную решетку, а Юкк принялся набирать номер Массачусетса.

На той стороне ответили...

– Мы насчет работы... – сказал Юкка. – Окей. Окей.

– Ну что? – шепнул я.

Юкка прикрыл трубку ладонью:

– Сейчас позовут менеджера. Давай еще монету.

Я протянул четвертак, автомат с лязгом сожрал его.

На том конце подошли.

– Хэллоу, мэ. Я насчет работы... Нас двое... опыт есть. – Юкка опять замолк. – Коза!

Пошла советоваться с директором. Следи за монетами.

Я опустил в щель сразу два четвертака. Юкка недовольно поджал губы.

– С запасом, – пояснил я. – Чтобы не суетиться.

– По ходу будем кидать, может, она нас сольет, тогда плакали наши двадцать пять центов... Я вас слушаю, мэ... нужен только один... понятно, мэ... мы подумаем. До свидания, – он повесил трубку.

– Давай звонить в Каролину.

Юкк набрал номер.

– Ало, мне бы поговорить с мистером Тодом. Я насчет работы... Здравствуйте, мистер Тод, нас двое, вам нужны официанты?.. Опыт есть...

Сжимая в кулаке последнюю монету, я принялся делать Юкке отчаянные знаки.

– Мы в Нью-Йорке... сегодня же можем выехать... сейчас запишу, – Юкка прикрыл трубку. – Ручка есть?

Я в панике пошарил по карманам, сунул ему ручку и бросил последнюю монету.

– Записываю... Северная Каролина... Эшвилл... вы нас встретите?.. До завтра, мистер Тод. – Юкка с облегчением повесил трубку.

– Есть работа, – вздохнул он и вытер пот со лба.

Нас взяли на работу заочно. Юкка договорился, что сегодня вечером мы выдвинемся на автобусе до указанного города. Там нас подберут.

– Похоже, нам придется попрощаться с этим городом, – Юкка закурил.

– А чего? Мы же ни к чему не привязаны, да и страну посмотрим. Дался нам Нью-Йорк! Главное, чтобы работа на двоих была.

Мы храбрились, но осознавали: он нас уделал, этот Нью-Йорк. Мы покидали поле боя.

– Сходим куда-нибудь напоследок. Неизвестно ведь, когда в следующий раз удастся вернуться.

Решили полюбоваться видом со смотровой площадки одного из «Близнецов».

«Близнецы»

Окрестности небоскребов поражали своим масштабом. Гигантская площадь с цветниками, обрамленными стриженным кустарником, обстроенная по периметру изящными зданиями, церковь под готику, деревья. Красавицы, спешащие на работу. Аккуратно одетые клерки, снующие туда-сюда. Туристки-пенсионерки с дряблыми локтями цвета копченой курицы. Японцы, увешанные чудесами техники. Смешные негритянские детки, украшенные бантиками, как праздничные торты. Влюбленные на скамейках... Июнь 2001 года подходил к концу, прежней Америке оставалось жить чуть более двух месяцев. Осенью все изменится. Но это будет позже, а пока еще живые красотки, работающие в «Близнецах», весело улыбались, их кавалеры лихо парковали спортивные авто в подземных гаражах, а финансовые воротилы, погруженные в бумаги, не замечали прекрасный вид на океан, открывающийся из их кабинетов.

Мы забились в лифт. Шесть человек молча смотрели в холодные лампы на потолке. На тридцатых этажах, поведя ноздрями, ко мне обратилась пожилая дама.

– Откуда вы, ребята?

– Мы из Москвы, мэм, – вежливо ответил я.

– О! – дама понимающе кивнула и заулыбалась. Остальные пассажиры тоже закивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.